

А.А. Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

АНТРОПОЛОГИЯ МЕНТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье раскрывается смысл одного из направлений антропологии безопасности, который направлен на изучение человека в системе ментальных угроз в контексте войн нового поколения. Исследуются основы ментальной безопасности, в которой человек и его благополучие рассматриваются в качестве ключевого элемента и системообразующего начала. Отмечается, что некинетическая (нефизическая) война становится ведущим методом противодействия между враждующими сторонами. Создателями и активными субъектами ментальных войн являются США. Примечательно, что после окончания Второй мировой войны США использовали тактику вооруженного вторжения на территорию суверенных государств с целью свержения их политических режимов, с течением времени они освоили новую технологию противоборства – организацию «цветных революций», а в настоящее время активно осваивают технологию ментальных войн. Делается вывод о том, что современная Россия, как и любое другое современное национальное государство, остро нуждается в разработке стратегии ментальной безопасности, в которой человекоориентированность будет основным направлением дальнейшего развития государства, общества и каждого отдельного человека.

Ключевые слова: *система безопасности, человек, свобода, ментальные угрозы, развитие, идеологический противник.*

А.А. Kovalev

The Northwestern Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

THE ANTHROPOLOGY OF MENTAL SECURITY

The article reveals the meaning of one of the directions of security anthropology, which is aimed at studying a person in a system of mental threats in the context of new generation wars. The fundamentals of mental security are investigated, in which a person and his well-being are considered as a key element and a system-forming principle. It is noted that non-kinetic (non-physical) war is becoming the leading method of counteraction between the warring parties. The creators and active subjects of mental wars are the United States. It is noteworthy that after the end of World War II, the United States used the tactics of armed invasion of the territory of sovereign states in order to overthrow their political regimes, over time they mastered a new technology of confrontation – the organization of “color revolutions”, and are currently actively mastering the technology of mental wars. It is concluded that modern Russia, like any other modern nation-state, is in urgent need of developing a mental security strategy in which human orientation will be the main direction for the further development of the state, society and each individual.

Key words: *security system, human, freedom, mental threats, development, ideological opponent.*

Введение

Антропология войны, как и антропология безопасности, занимает ведущее место в рамках парадигмы человекоориентированности, которая характерна для настоящего времени. Благополучие человека становится главной и в то же самое время труднодостижимой целью. Понятие «безопасность» и его интерпретации менялись с течением

времени на протяжении всей истории развития человечества. И если в прежние времена под безопасностью в первую очередь понималась реализация государственных и общенациональных интересов, то в XXI веке интересы человека, его всестороннее развитие и благополучие вышли на первое место. При этом аксиологический аспект в общей системе национальной безопасности, в которой личностная безопасность является значимой частью, становится приоритетным. Однако важно понимать, что личностная безопасность не должна рассматриваться обособленно от национальной, ведь личность и ее благополучие являются частью общей (национальной) безопасности, а не чем-то отдельным и существующим автономно. В противном случае сосредоточенность на безопасности личности рискует столкнуться с развитием эгоизма, крайнего индивидуализма, атомизированности и социальной разобщенности. Таким образом, безопасность всегда имела приоритетное значение в системе жизнеустройства. При этом роль и значение человека в ней в тот или иной период менялись.

Человек в системе безопасности

Каждый человек нуждается в безопасности, которая в его системе жизненных координат выступает в качестве потребности. Иными словами, человек так стремится выстроить свою жизнедеятельность, чтобы минимизировать влияние на нее тех или иных опасностей и угроз, то есть сделать максимально безопасной. В таких благоприятных условиях развитие (в том числе творческое), совершенствование и движение вперед как самого человека, так и всего общества, представителем которого он является, происходят намного слаженнее и увереннее. Под потребностью следует понимать нуждаемость в чем-либо, недостаточность чего-либо и стремление этот недостаток восполнить. Так, доктор юридических наук, профессор А.Г. Елагин отмечает, что «потребность персонифицирована, всегда связана с наличием у человека чувства неудовлетворенности. Это основной источник активности человека в его жизнедеятельности. В свою очередь активность проявляется через определенные целенаправленные действия и мотивацию» [4, с. 11]. Таким образом, резюмирует ученый, потребность можно рассматривать как движущую силу человеческой деятельности, которая удовлетворяет желание человека исключить из своей жизни страх, хаос, различные опасности и угрозы. А главной особенностью потребностей является то, что они должны быть удовлетворены.

Итак, потребности могут быть разными, каждый человек самостоятельно для себя определяет, какие потребности актуальны для него в то или иное время. Однако существуют базовые потребности, которые значимы всегда и для всех. Одной из них является потребность в безопасности, которая относится к категории базовых, жизненно необходимых. А неудовлетворение базовых потребностей препятствует удовлетворению более сложных потребностей (например, общественного признания, самореализации и пр.). И если раньше доминировала парадигма об абсолютной безопасности и стремлении ее достичь, то в XX–XXI вв. человечество признало более жизнеспособной парадигму допустимого уровня риска. Это означает, что состояние абсолютной безопасности недостижимо, и человек (общество) не должен погружаться в беспокойство по этому поводу, напротив, он должен допустить в своей жизнедеятельности приемлемый уровень риска и на основании этого принятия выстраивать свое гармоничное существование.

Важно отметить, что и сама категория «безопасность» трансформировалась и усложнялась по мере усложнения самого общества, его потребностей и рисков.

В настоящее время одним из важнейших направлений по обеспечению безопасности является сбалансированность в системе взаимоотношений между человеком, обществом и государством. Общепризнанным первооткрывателем в осмыслении вопросов безопасности считается основатель реалистического подхода английский философ Т. Гоббс. В его учении уделяется достаточно много внимания безопасности и национального государства, и общества, и человека. Он признавал важность соблюдения баланса всех составляющих истинной безопасности. То есть в обязанность государства входит обеспечение человека всеми предназначенными ему законом благами. При этом ключевым методом обеспечения безопасности Гоббс называл применение насилия, преимущественно рассуждая о способах достижения высокого уровня международной безопасности [2, с. 261]. Иными словами, кто сильнее, для того безопасность становится более доступным благом.

Итак, в теории безопасности Т. Гоббса антропологический аспект раскрывается через основное назначение государства, смысл которого сводится к обеспечению мира и безопасности человека – обладателя свободной воли. В контексте развития современного государства идеи Гоббса, исследующие антропологические аспекты государственного строительства и обеспечения суверенитета, предостерегают от возможных ошибок, игнорирующих аксиологический аспект в этой сфере. Таким образом, человек не должен восприниматься как «винтик системы», напротив, за ним должно закрепляться право быть активным созидающим субъектом [10, с. 67].

В настоящее время антропология безопасности является одной из ключевых сфер всей системы национальной безопасности. Стоит признать, что в XXI веке государство теряет свою основополагающую роль и уже не может в полной мере обеспечить безопасность человека, которая и в настоящее время актуальна и значима. Безопасность личности (или личностная безопасность) в XXI веке приобретает особое значение для процветания государства и всей цивилизации. Безопасность личности понимается как «свобода от угроз жизнедеятельности отдельного человека, в том числе от угрозы качественных изменений его жизни при одновременном создании условий и возможностей для реализации его прав и гражданской позиции в общественной жизни на различных уровнях (региональном, национальном или международном)» [19, с. 198]. Человек по-прежнему нуждается в качественном и своевременном обеспечении личностной безопасности на всех уровнях своей жизнедеятельности.

Именно потребность в обеспечении безопасности легла в основу создания государства на принципах общественного договора. И если в прежние времена феномен безопасности был сопряжен с безопасностью государства, то в настоящее время система национальной безопасности в первую очередь ориентируется на безопасность человека, которая выступает в качестве ее основы. Несмотря на угасающую роль национального государства и расширение спектра активных участников международных и внутригосударственных отношений, безопасность личности нуждается в консолидирующей силе, которая способна такую безопасность обеспечить. Именно поэтому в данном вопросе значимость государства остается высокой. Это актуально и для современной России. При этом основой здесь выступают духовная культура, традиции, нравственное воспитание, национальный менталитет и прочие атрибуты каждого конкретного народа как уникального формирования. Однако и сам человек как представитель единого народа должен осознавать свой собственный вклад в вопросы обеспечения безопасности, например, это касается соотношения личной свободы и ответственности за нее.

Важно также понимать, что личностная безопасность становится практически недостижимой в условиях деперсонализации, которая пропагандируется современной массовой культурой, являющейся важной частью политики вестернизации (распространения западных ценностей и западного стиля жизни на не западные общества). А политика вестернизации, в свою очередь, признана в современной России (не западном государстве) одной из угроз национальной безопасности. Также основным приоритетом политики обеспечения национальной безопасности в России признается сбережение народа, а одним из направлений этой политики является закрепление за государством функции всестороннего развития человека [17]. В него [развитие] включаются качественное образование, достойный уровень жизни, доступная медицина и пр.

Таким образом, становится очевидным, что обеспечение личностной безопасности, то есть безопасности личности, является важнейшей задачей современного национального государства, общества и самого человека. И такая безопасность входит в общую систему национальной безопасности, становясь ее неотъемлемой частью. Так формируется и развивается важнейшая область знания, антропология безопасности [20]. Данная проблема становится общегосударственной и даже глобальной задачей по причине возрастающего количества различных сложных угроз. Одной из таких угроз является война, которая в XXI веке трансформируется и приобретает качественно иные черты.

Ментальная война как новый вид противоборства

Итак, война рассматривается как угроза безопасности человека, то есть в этом феномене весомое значение приобретает антропологический фактор. При этом в XXI веке кинетическая (физическая, традиционная) война уступает некинетической (нефизической, нетрадиционной), активизируя информационный, психологический и ментальный факторы влияния на безопасность человека. Одним из наиболее известных отечественных исследователей ментальной войны и исходящих от нее ментальных угроз в адрес современной России является советник министра обороны РФ А.М. Ильницкий [5]. Так, он отмечает, что мироустройство, основанное на суверенности национальных государств, в настоящее время подвергается демонтажу. Именно эти стремления стали основанием для активизации нового типа противоборства под названием ментальные войны. Основная цель такой войны, по мнению исследователя, заключается в стремлении уничтожить самосознание, с помощью которого конструируется фундамент общества, как цивилизационный, так и ментальный.

Как справедливо отмечает А.М. Ильницкий, основной причиной развязанной ментальной войны против России коллективным Западом является экзистенциальный кризис, который он в настоящее время переживает. А единственным вариантом разрешения этого кризиса является война, как это обычно происходит в политике США. Но вести полноценную войну против России невозможно, так как ее военный потенциал способен нанести вред самим США и всему западному миру, поэтому ключевой тактикой наших противников была избрана ментальная война, смысл которой заключается в том, чтобы нарушить (или вовсе разрушить) суверенность государства-противника и подчинить его своей воле. Здесь основной объект воздействия – это люди, их сознание, мировоззрение, установки, традиционные ценности, самосознание. При этом одним из важнейших параметров, на который осуществляется воздействие в рамках ментальной войны, становится воля и дух народа, считает А.М. Ильницкий. То есть за счет управления информационным пространством человек «наполняется» той информацией, которая воздействует на его сознание и подсознание, за счет чего

притупляются навыки критического мышления, стремления перепроверить получаемую информацию или найти альтернативные точки зрения на тот или иной вопрос, а также рационально ее осмыслить.

Таким образом, ментальная война, провоцирующая ментальные угрозы, становится новым видом противоборства между конкурирующими или враждующими сторонами. Однако почему ментальные атаки настолько опасны и эффективны именно против России? Дело в том, что для России культура, история, традиции, следование своему уникальному пути, а также приверженность собственной цивилизационной парадигме, которые выступают в качестве основных мишеней ментальной войны, являются смыслообразующими и для государства, и для всего многонационального народа. Тем самым пагубное воздействие на эти системообразующие параметры лишает Россию и ее народ основы существования, в корне меняя мировоззрение и мировосприятие россиян и элиты страны. Так россияне могут лишиться своего национального самосознания, потеряв себя как единый народ в мировой истории.

Итак, ментальная война становится приоритетным способом в противостоянии враждующих сторон и носит нелетальный характер, то есть не преследует цель физического уничтожения противника. Почему для современных США предпочтителен именно такой вид противоборства? Потому что для этого государства на первом месте всегда была и будет собственная безопасность, оно никогда не подвергнет свою территорию нападению, потому и ввязывается в войны только с теми странами и режимами, которые не способны будут нанести так называемый удар возмездия [7, с. 42]. Именно по этой причине США не нападают на Россию и не провоцируют войну в ее классическом понимании. Но при этом и не отказываются от стремления одержать победу над своим историческим противником, который имеет международное влияние и ядерное вооружение. Удерживать первенство на международной арене позволяют современным США не столько классические войны (с театром военных действий, вооружением и прочими атрибутами кинетической войны), сколько контроль (политический, экономический, финансовый, культурный и ментальный). Для современных США важно удерживать первенство на международной арене и выдать свои национальные интересы за интересы других государств и народов. Иными словами, иностранные правительства должны начать действовать в интересах США (не редко против своих собственных национальных интересов) и симпатизировать им в целом, но при этом думать, что они ведут самостоятельную и суверенную политику [8].

После окончания Второй мировой войны ведущим методом американцев по удержанию мирового лидерства во всех упомянутых сферах становятся вторжения их вооруженных сил на территории других государств, с течением времени США освоили новую технологию противоборства – организацию «цветных революций», а в настоящее время они активно осваивают технологию ментальных войн. Способы передачи информации ориентированы не на простое донесение определенной информации от адресата до адресанта, а на такое преподнесение информации, которое смогло бы незаметно для реципиента повлиять на его подсознание и изменить его мнение, предпочтения, установки и пр. Иными словами, информация подается не как предмет для размышления и критического осмысления, а как готовый продукт, по сути являющийся чужими идеями. Если навыки самостоятельности и критичности мыслительных процессов у человека неразвиты или атрофированы, то эти готовые идеи будут восприняты в таком виде и варианте подачи, в котором они были изначально. Человек, чьи интеллектуальные и моральные способности снижены, не способен к самостоятельности

мышления, сильной аргументации своих доводов в пользу той или иной точки зрения, разделению информации на важную и второстепенную. В такой войне именно сознание человека становится главной целью, а не захват территорий.

Важно отметить, что ментальные атаки могут быть нацелены как на сферу рационального, так и на сферу чувственного восприятия. При этом рациональность дискредитируется, притупляется, тогда как область эмоционального в человеке становится объектом серьезных манипуляций извне. Такие практики нарушают естественный ход жизни и способны спровоцировать антропологический кризис и даже катастрофу. В таких условиях человек выпадает из естественных процессов, гармония его существования нарушается, а стремление покорить и искусственно преобразовать все сущее становится главной целью такой модели жизнедеятельности.

Действительно, чувственная сфера является уязвимой в условиях ментальной войны. Существует множество способов, с помощью которых осуществляются ментальные атаки, при этом ряд из них имеет физическую природу. Одним из таких методов воздействия является насилие (социальное, политическое, межличностное), которое напрямую влияет на ментальное состояние человека и нации в целом за счет провоцирования чувства страха, недоверия, беспомощности. В мире открытых границ и доступных данных (в том числе личных), который предполагает развитие доверия и улучшение коммуникативных навыков на разных уровнях взаимодействия, особую опасность несет неконвенциональное насилие, крайним и самым жестоким проявлением которого является терроризм. Одним из самых громких и резонансных терактов последнего времени стали события в Подмоскowie 22 марта 2024 года. О причинах, мотивах и действующих лицах пока высказываются только догадки и разрозненные мнения (среди них сведение личных счетов, протест против результатов президентских выборов в России, месть за проведение специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины и ряд других). Однако паника, хаос, страх, отчаяние и чувство несправедливости и даже безысходности присутствуют прямо сейчас, они нарушили ментальное благополучие россиян и в целом негативно повлияли на безопасность человека во всех ее аспектах. Примечательно, что этот теракт был своего рода посредническим. То есть он приобрел как будто обезличенный характер, а поимка его исполнителей не прояснила мотивов совершенного деяния. Это еще сильнее воздействует на те чувства и эмоции, которые вызвало у человека и всего общества содеянное. По сути, подобные события являются проявлением такого явления, как массшутинг (массовые убийства с применением огнестрельного оружия), который нередко не имеет однозначных мотивов. Безусловно, вряд ли целесообразно говорить о том, что события в «Крокус Сити Холле» – это неблагоприятное стечение обстоятельств. Уже сейчас становится понятно, что, во-первых, террористические акты становятся более массовыми и для простого обывателя более спонтанными, во-вторых, они становятся более организованными за счет увеличивающегося количества (и качества) тех методов, с помощью которых такой теракт можно организовать. Человекоориентированность и нацеленность официального курса современной России на бережение народа и человека, зафиксированные в Стратегии национальной безопасности РФ, делают подобные преступления против человека особенно остро воспринимаемыми в сознании людей. При этом важно понимать, что превращение терактов и в целом террористической активности в обыденность провоцирует формирование феномена под названием «человек бдительный» (*Homo Securitatis*), который граничит с явлением массовой истерии или становится ее прямым продолжением [12]. Во избежание усиления данного состояния необходимо сосредоточиться не на обеспечении безопасности в целом, а на предотвращении конкретных угроз, исходящих от Другого (Чужого).

Однако, как уже было отмечено, основной целью ведения войны в XXI веке, становится не физическое уничтожение, а ментальные атаки, которые среди всего прочего направлены в том числе и на устрашение. Таким образом, ментальные угрозы признаны одной из важнейших угроз национальной безопасности современной России, а также цивилизационной угрозой для всего русского мира. В условиях современного витка цивилизационного противостояния между Россией и Западом, пиком обострения которого стала СВО, значимость ментальных угроз приобрела жизнеутверждающие (а точнее – жизнеуничтожающие) смыслы. В результате успешного проведения ментальных атак человек теряет и свои корни (устойчивость), и свои перспективы (развитие). У него тем самым остается только состояние «здесь и сейчас», которое его дезориентирует, деморализует, лишает возможности строить свое будущее, развиваться и совершенствоваться.

Стоит отметить, что антропологический фактор современных ментальных войн тесно переплетается с общенациональным фактором, в котором ключевую роль играет идентичность и способы ее формирования. Ментальные атаки направлены на то, чтобы идентичность россиян впала в глубокий кризис и была дискредитирована. Такая политика направлена на то, чтобы вызвать у российского народа вину и даже стыд за свое происхождение, свою историю и в целом за свое государство. В России неоднократно поднимались вопросы, касающиеся темы идентичности. А известный американский политолог С. Хантингтон был убежден, что кризис идентичности в настоящее время приобрел глобальные масштабы. Он писал: «Почти повсюду люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции, меняют точки зрения... а в России «глубочайший кризис идентичности» воскресил конфликт девятнадцатого столетия между западниками и славянофилами – противники никак не могут договориться, европейская ли страна Россия или все-таки евразийская» [18, с. 35–36]. Почему идентичность важна? Самая главная ее ценность для ментальной безопасности заключается в том, что она обладает консолидирующей силой и способствует объединению нации, что особенно значимо в сложные периоды, а также гарантирует человеку чувство принадлежности к большой группе и сопричастности к ее созидательной и жизнеутверждающей деятельности. А если человек атомизирован и не ощущает связи с более крупным и надежным социальным образованием, то и строить собственную жизнь он будет хаотично и необдуманно. В таких условиях могут пострадать ценности человека, если их аккумуляцией и поддержкой не будет заниматься общность, с которой себя идентифицирует отдельный человек. Так, в настоящее время в России дискредитируются традиционные ценности, которые позволяли скреплять народ и направлять каждого отдельного человека в текущих событиях. Вместо них предлагаются утилитарные ценности, которые как раз и направлены на разобщение, культивирование эгоизма, развитие качеств потребителя и ориентацию на удовлетворение примитивных желаний и устремлений [3].

Итак, ментальная война становится реальностью XXI века, которая провоцирует антропологический кризис. Человек просто теряется в потоке постоянно происходящих событий. Его личностный потенциал снижается, а возможности для роста и развития сужаются. Современное общество, которое является обществом риска, не может дать отдельному человеку даже базовых гарантий для его гармоничного и всестороннего развития. Поэтому в XXI веке безопасность и ее обеспечение становятся предпочтительнее и приоритетнее таких гуманистических ценностей, как свобода и равенство [9, с. 7–8]. Данные обстоятельства, в которых существует современный

человек, актуализируют новое направление антропологии войны, которое можно назвать антропологией новых войн. Важно отметить, что ментальные угрозы становятся воплощением войны нового типа, в которой место и роль человека остаются неопределенными. Тем значимее становятся исследования, которые пытаются решить эту проблему. Важно отметить, что в первую очередь каждый человек оказывается участником ментального противоборства, которое всегда начинается «с оценки уязвимости гуманитарной сферы общественной безопасности» [1, с. 54]. Это означает, что противник будет сначала изучать, на каком уровне развития находится человек, его сфера бытия и в целом удовлетворенность теми или иными областями жизни. И именно на те сферы, в которых будут обнаружены какие-либо проблемы, придется основной удар в рамках ментального противоборства.

Если раньше основным методом «бескровной» войны была пропаганда, которая воздействовала на сознание человека с целью изменения его поведения, то в настоящее время приоритетными становятся те методы, которые воздействуют на подсознание [16]. Подсознанием сложно управлять, его непросто идентифицировать даже самому человеку, поэтому и противостоять методам такого воздействия без соответствующих знаний и подготовки становится практически невозможно. Вообще в основу ментальных атак положено информационное воздействие на человека, при котором разрушаются культурные основания его существования, замещаемые животными инстинктами, заложенными в человеке природой [11]. При этом ключевой особенностью ментального воздействия является его бескомпромиссность и безграничность используемых методов, которые игнорируют и мораль, и здравый смысл, используя такие средства, как дезинформация, искажение фактов, фальсификация истории и пр.

Ментальная безопасность человека

На фоне активизации ментальных угроз особую актуальность приобретает ментальная безопасность человека и вопросы ее обеспечения [21]. Под ментальной безопасностью следует понимать противостояние скоординированной совокупности различных действий и операций, стремящихся «оккупировать» сознание противника с целью парализовать его волю, трансформировать индивидуальное и массовое сознание населения для деморализации армии и общества, уничтожения духовно-нравственных ценностей, традиций и культурно-исторических основ государства, дискредитации/уничтожения национальной идентичности народа [6, с. 29]. Тем самым преодоление негативного воздействия на сознание и подсознание человека ментальных атак будет способствовать обеспечению ментальной безопасности.

Важно отметить, что самой уязвимой социальной категорией в условиях ментальной войны является молодежь, а также подростки. Во-первых, этой группе изначально присуще стремление к экспериментам, тяга ко всему новому, познание всего неясного и неизведанного. Во-вторых, сознание молодежи и тем более детей и подростков еще не сформировано окончательно, оно гибко, пластично и открыто всему новому. В-третьих, молодому поколению свойственно подвергать все сомнению, бунтовать и выступать против старых порядков и устоев прошлых поколений. В-четвертых, молодые люди открыты миру за счет большей погруженности в цифровую и виртуальную реальность. Таким образом, в такой ответственный период жизни человека, когда процесс его становления еще не завершился, он становится особенно уязвим перед различными манипуляциями, в том числе ментальным воздействием. Поэтому особая миссия в этом контексте ложится на систему образования и воспитания на всех ее уровнях, которая должна прививать правильные ценности, уважение к истории страны, ее традициям и культурному наследию, воспитывать патриотизм, толерантность

(но не в извращенном либеральном варианте гендерного разнообразия и вседозволенности, а в контексте значимости мирного сосуществования многонационального и поликонфессионального народа на территории одной большой и единой страны) и т.д. Также на систему образования ложится миссия по сохранению и развитию родного языка, который является одним из основных факторов формирования национальной идентичности.

Одним из ключевых направлений обеспечения ментальной безопасности становится повышение духовно-нравственного уровня современного россиянина. Именно духовно-нравственное здоровье человека и всего социума является наиболее крепким и надежным фундаментом в процессе обеспечения ментальной безопасности [15, с. 329]. В человеке должно быть развито несколько уровней, обеспечивающих его гармоничное существование. По справедливому утверждению академика П.И. Сидорова, человек нуждается в выработке ментального иммунитета, который представляет собой биопсихосоциодуховную матрицу (защиту) человека и его идентичности. Что же такое ментальный иммунитет? Ментальный иммунитет, по мнению исследователя, «является интегральным защитно-компенсационным буфером сингулярно нарастающего глобализационного давления» [14, с. 42]. Сидоров убежден, что обеспечение ментальной безопасности (формирование ментального иммунитета) – это комплексная задача, которая должна охватывать обеспечение безопасности на следующих уровнях: биологическом, психическом/психологическом, социальном, а также духовно-нравственном. Именно поэтому разработка стратегии ментальной безопасности, в которой остро нуждается современная Россия, также должна носить комплексный характер и улучшать жизнь человека во всех сферах жизнедеятельности. А в качестве ключевых стратегий Павел Иванович предлагает следующие варианты: 1) стратегию саморазвития; 2) стратегию адаптивного расширения сознания; 3) стратегию перманентной самоидентификации (сохранения восприятия своей личной идентичности при любых социальных изменениях); 4) стратегию асимметричной когерентности (системного и целостного восприятия); 5) стратегию многомерной зеркальности сознания (выборочного и дозированного ментального осмысления образов и смыслов мира человека, как внешнего, так и внутреннего).

Получается, что ментальная безопасность – это то состояние, которого должен достичь сам человек при поддержке государства. Интересным в данном контексте выглядит предположение философа В.А. Рудько о том, что одним из действенных способов противостояния ментальной войне и ментальным угрозам является организация философского досуга [13]. Она отмечает, что человек по-прежнему не получил ответ на волнующие его ранее вопросы: о жизни и смерти, смысле бытия и т.д. Досуг, наполненный подобной мыслительной деятельностью, поможет человеку достичь такого состояния ума, которое позволит ему осмыслить и переосмыслить ценности, выстроить концепцию собственной жизни, найти в ней гармонию, познакомиться с культурно-историческим наследием своей страны и пр. Такая наполненность человека в итоге позволит ему противостоять негативному воздействию ментальной войны, посягающей на традиционные ценности, духовно-нравственные основы существования человека и всей нации, способы формирования идентичности и многое другое.

В предыдущем пункте статьи упоминалось о том, что стремление к безопасности как тотальному и всеобъемлющему состоянию (к абсолютной безопасности) – это путь к массовой истерии, которая характеризуется недоверием, страхом, аномией, замкнутостью и прочими негативными психологическими и социальными проявлениями. Чтобы этого избежать, необходимо идентифицировать опасность и ее источник.

В условиях ментальной войны это весьма затруднительная задача, однако осуществимая. В Стратегии национальной безопасности РФ 2021 года противник открыто идентифицируется – это США и их сторонники, которые легко различимы в условиях СВО. В задачи российского государства входит постоянный мониторинг возникающих ментальных угроз и предупреждение граждан об их разрушительном воздействии.

Заключение

Ментальные войны актуализируют новое направление антропологии войны, которое направлено на осмысление антропологии ментальной безопасности. Безопасность становится ключевым элементом жизнедеятельности современного человека, уступая место даже таким ранее довольно ценным гуманистическим идеалам, как «свобода» и «равенство». Таким образом, большое значение для современной философии в контексте антропологии ментальной безопасности имеет соотношение потребности в безопасности и потребности в свободе. Эволюционно (и просто с точки зрения здравого смысла) безопасность важнее свободы: безопасность без свободы возможна, однако свобода без безопасности маловероятна. При этом вызовом для современной философии становится то обстоятельство, что современный человек, нуждающийся в безопасности, стремится сохранить за собой и право на свободу, не желая отказываться от нее. Таким образом, антропология ментальной безопасности стремится разрешить сложную задачу по соотношению свободы и безопасности, а также сохранению возможности (и права) гармоничного и естественного развития человека в условиях ментальных вызовов и угроз.

Список литературы

1. Балановский В.Л., Подъяконов В.М. Новая парадигма обеспечения качества жизни в условиях «ментальной войны» // Качество и жизнь. – 2021. – № 2 (30). – С. 50–56.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991.
3. Головинский А.А. Изменения иерархии доминирующих ценностей личности как результат ведения ментальной войны // Вестник адъюнкта. – 2021. – № 3 (13). – С. 1–11.
4. Елагин А.Г. Потребность человека быть в безопасности // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 3. – С. 11–13.
5. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
6. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. – 2022. – № 4. – С. 24–35.
7. Караваев И.Н., Суханов П.В. Ментальная война как новый вид противоборства // Вестник Академии военных наук. – 2022. – № 2 (79). – С. 42–45.
8. Литвинова Ю.И., Обринская Е.К. Ментальное воздействие как стратегия внешней политики США // Философия права. – 2021. – № 3 (98). – С. 139–143.
9. Ломако О.М. Антропологический кризис гуманизма в современном обществе риска: методологический анализ // Цивилизация – Общество – Человек. – 2018. – № 6–7. – С. 7–9.
10. Павлович О.В. Антропологическая парадигма национальной безопасности в философской системе Томаса Гоббса // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 7 (126). – С. 62–67.

11. Пальцев А.И. Информационно-психологическая составляющая «глобальной гибридной войны» // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – № 1 (18). – С. 88–96.
12. Патракова А.П. Синдром человека бдительного (*Homo Securitatis*) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 9 (30). – С. 113–118.
13. Рудько В.А. Философский досуг – противопоставление ментальной войне // Антропос: Логос и Теос. – 2023. – № 1. – С. 71–78.
14. Сидоров П.И. Ментальный иммунитет как биопсихосоциодуховная матрица идентичности и основа безопасности личности и общества // Экология человека. – 2015. – № 12. – С. 42–52.
15. Сухоруких А.В. Духовно-нравственный фактор как условие «ментальной безопасности» социокультурной среды // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Т. 6, № 5. – С. 328–329.
16. Тебякина Е.Е. Антропология войны: новое измерение человека в эпоху гибридных войн // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2023. – Т. 9 (75), № 4. – С. 4–14.
17. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/cdd1e8eed2bcebb6784f447b23a23ef965850237/?ysclid=lu2wvy1435763077881
18. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: ООО «Транзиткнига», 2004.
19. Яшина А.В. Безопасность в системе взаимоотношений «человек – общество – государство» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т. 7, № 4. – С. 190–199.
20. Jarmoszko S. Human Security in Anthropology of Security Perspective: A Re-conceptualisation Attempt // Journal of Human Security. – 2020. – Vol. 16, No 1. – P. 58-70.
21. Wonderly M. On the Affect of Security // Philosophical Topics. 2020. – Vol. 47. – P. 165-181.